

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Осуществление политической реформы в Украине, смысл которой можно определить как поступательное движение к демократии, гражданскому обществу и правовому государству, придает проблемам государствоведения особенную остроту. Наибольшую содержательную нагрузку в процессе теоретического постижения демократии несут представления о таком универсальном явлении социального бытия, как государственность. К тому же концепция правового государства нередко трактуется как исключительно формально-юридическая, т. е. проблемы становления правового государства рассматриваются только в контексте разработки, принятия и осуществления нового законодательства. С этой точки зрения любое государство является правовым по определению (в том числе диктаторское, фашистское и пр.), что, безусловно, размывает самые глубокие, имеющие гуманистическую природу основания и права, и государства, в том числе правового. Кроме того, данная концепция рискует быть оторванной от жизни, от реальных проблем, и поэтому вряд ли она может быть полезной и жизнеспособной.

Опыт работы украинского парламента свидетельствует о том, что одним из главных препятствий на пути его становления и приобретения им авторитета являются традиционные представления о сущности и социальном назначении феноменов государственности. В результате количество издаваемых законов увеличивается, а вместе с ним возрастает показатель их неэффективности. Рассматривая вопросы реализации законодательства, их сводят преимущественно к традиционным основаниям — опоре на силу и принуждение. Если обозначенная схема не срабатывает, ее подкрепляют новыми законами и теми же средствами их исполнения.

Известен гуманистический пафос тезиса о том, что и государственные функции есть не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека (5, с. 242). Не выглядит поэтому случайным обращение юристов к исследованию государства и права сквозь призму человеческого измерения, поиску путей и способов преодоления человеческого отчуждения с помощью специфических государственно-правовых средств (1, с. 25 и др.).

Поэтому чрезвычайно значимым будет обращение к проблемам общесоциальных оснований государственности на уровне этих самых социальных качеств человека.

Если формирование и осуществление власти основаны на упрощенных идеологизированных началах, то, конечно, не может быть потребности ни в гражданском обществе, ни в развитом государственном устройстве, ни, соответственно, в теоретическом осмыслении данных явлений. И наоборот, демократическое государственное устройство не может не опираться на объективный нормативный фундамент — механизмы, нормы и институты власти. Именно эти обстоятельства обуславливают сложность устройства государства, требуют профессионализма политической деятельности и государственного управления. Наиболее очевидный путь решения данной проблемы состоит в том, чтобы в первую очередь восстановить в науке о государстве и праве элементарные демократические истины, которые составляют весомую часть современной цивилизации, отразить в государствоведческих категориях новые социальные реальности. Это будет сделать нелегко, поскольку истоки правового нигилизма, о котором сейчас много пишут, не сводятся только ко временам господства революционного правосознания. Они значительно глубже — в сформированном веками стереотипе принижения формы и устройства, формального и юридического перед так называемым органическим и содержательным, в образе мышления с крайних, по сути тотальных противоречий (3).

Вряд ли возможно формирование юридического мировоззрения, являющегося идеологической предпосылкой правовой государственности, без определения особенностей собственно государственного подхода к решению проблем общественной жизни. И здесь не обойтись без констатации, что именно догматическое выпячивание одной из сторон социальной сущности государства является препятствием на пути формирования адекватных современным цивилизационным подходам представлений о государстве. Конечно, деление людей на классы имеет для государства важное значение и подтверждений этому немало в сегодняшней истории становления государства бывшего Советского Союза. Более или менее незначительное смещение акцентов в этом вопросе не меняет сути дела (19, с. 30). Но еще в начале XX века исследователи, не отрицая огромных заслуг исторического материализма в объяснении общественных явлений, подчеркивали принципиальную несводимость факторов общественности только к экономике. Тяга к мистическому объяснению явлений квалифицируется как свойство неразвитого сознания, которое, не будучи в состоянии охватить многофакторность действительности, абсолютизирует какое-то одно из ее измерений и сводит к нему все многообразие мира, что по

сути не может не быть искусственным и произвольным (7, с. 7, 8). Политика, как известно, (по крайней мере со времен Аристотеля) отражает не только борьбу и соотношение социальных групп. Такой подход будет плодотворным только в соединении с пониманием того, что эта борьба является лишь средством для удовлетворения более общих интересов, которые затрагивают саму сущность человеческого бытия (8, с. 113).

Государство должно удерживать социальные противоречия в допустимых законом цивилизованных рамках и поэтому не может по своей природе быть орудием в руках одной части общества. Иначе оно рискует не удержать эти противоречия, что может закончиться уничтожением и общества, и государства. Во всяком случае еще Аристотель называл такое государство неправильным. В то же время при разработке концепции государства так называемого нового типа дело было доведено до логического завершения: понятие суверенитета прямо определялось как отсутствие формальных правовых ограничений для государственной власти, возможность для нее принятия любых решений, которые она признает необходимыми, поскольку в действительности она ограничена не «какими-либо нормами права, а реальным соотношением классовых сил» (4, с. 34—37).

Нельзя не отметить также попытку отечественной юридической науки выйти за рамки узкоклассовой интерпретации государства путем конструирования понятия «общенародное государство». Нельзя сказать, что не было попыток его опредметить, однако недоставало основного — демократической правовой технологии формирования и осуществления государственной власти (12). Интересно этот вопрос ставил Ж.-Ж. Руссо: могут ли быть в обществе какие-либо основания для управления, если людей воспринимать такими, какими они есть, и законы такими, какими они могут быть? И отвечал на него, что только общая воля может руководить силами государства согласно целям его учреждения, которая состоит в достижении общего блага (10, с. 13).

Дело, конечно, не в словах. Важно то, насколько наши представления о государстве соответствуют реалиям и перспективам гуманистического развития. В прикладном аспекте утверждение общечивилизационного смысла понятия государства будет способствовать утверждению приоритета общества перед государством, а в теории — тезису о производности и вторичности государства. И еще один очень важный вывод: демократизация общества отнюдь не приводит к ослаблению государства, скорее — к становлению подлинной, основанной на народовластии, сущности государства, а компетентная и оперативная исполнительная власть — это как раз характерная черта современных демократических государств. Наоборот, тоталитаризм не тождествен укреплению го-

сударственности, более того, он практически приводит к уничтожению её как формы политического общения людей. На этой основе современные исследования справедливо разграничивают как разнокачественные явления тоталитаризм и государственность, которая предполагает онтологическую зависимость публично-политической власти от саморазвивающегося и в определенной мере саморегулирующегося гражданского общества (11, с. 16). Еще Аристотель считал естественным для государства стремление к единству, но в то же время отмечал невозможность его полного достижения, поскольку государство по своей природе представлялось ему «неким множеством» (2, с. 404).

Множественность интересов различных социальных групп складывается в обществе объективно в силу их специализации и поэтому необходима для него, если общество стремится стать на собственную почву и признает неотъемлемыми права и свободы человека. Плюрализм дает возможность подключить человеческий потенциал социального развития — широкий спектр интеллекта и стремлений различных людей и социальных групп, обеспечивает условия для их конкуренции и выбора из них тех, которые в наибольшей степени соответствуют потребностям общественного развития и удовлетворению интересов его членов. Но для того, чтобы иметь влияние на политику, множественность общественных интересов должна стать элементом государственной организации, воплотиться в правовых нормах и институтах, среди которых основные — права человека, многопартийность, свободные выборы, разделение властей, парламент, ответственное правительство, независимый суд. Государство для их адекватного отражения не может не быть соответствующей организацией. Следует подчеркнуть, что на этой основе устроен и механизм государства, т. е. сфера, где традиционно абсолютно господствовал авторитет: он тоже знает множественность воли — разделение властей. При уяснении же глубинных оснований государственности нужно исходить из принципиального положения, что государство — это не только и не столько государственный аппарат, но прежде всего люди, имеющие неотъемлемые права, организовавшиеся во всеобъемлющую политико-правовую ассоциацию. Поэтому, если агент государства (государственный служащий) выступает носителем государственной власти по отношению к гражданину, то и гражданин должен иметь гарантированные возможности для влияния на работников государственного аппарата. Достигается это с помощью правового равенства участников властно-управленческих отношений, когда они имеют взаимные права и обязанности, что и может быть гарантией взаимной ответственности государства и гражданина в правовом государстве. Причем сама формальность права в таких условиях становится составным элементом устрой-

ства общества и социализация индивида, и поэтому она является для правовой государственности и органической, и содержательной.

Учет разнообразия интересов, их удельного веса и соотношения позволяет обеспечивать социальный контекст государственности, выявить действительную, а не мифическую государственную волю, определить общегосударственные приоритеты. Заметим, что только формирование общей воли на основе взаимодействия различных социальных интересов может стать фундаментом организации государства как социального. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с современными представлениями общая воля по своей сути и есть частный интерес, но наиболее часто встречающийся, повторяющийся.

В то же время смысл плюралистической организации общества и государства состоит не только в том, чтобы отразить и зафиксировать определенный диапазон взглядов и интересов различных субъектов. Ее логическое завершение состоит в направленности участников политического процесса к достижению гражданского согласия. Гражданское согласие выступает как форма рационального (разумного) управления обществом, цель которого — получение положительного результата посредством достижения общей точки зрения при исключении крайних, радикальных подходов. Поэтому если противоположность частных интересов сделала необходимым учреждение государства, то согласие этих интересов сделало его возможным (10, с. 42). Демократическая организация общества и государства должна обязательно предполагать специальные нормы и процедуры достижения гражданского согласия. Принятые на основе гражданского согласия законы и иные решения в силу своей социальной обоснованности содержат сами по себе значительный потенциал воплощения в жизнь.

В основе продуктивности гражданского согласия лежит методологический акцент на договорном происхождении государства, хотя образование некоторых государств в Новое время имело своим основанием нередко и реальный договор. Наиболее ярким примером последнего является, как известно, образование США: «Мы, народ Соединенных Штатов, ..., и т. д.». Договорные основания имел первый конституционный проект П. Орлика. Человек, как член сообщества людей, не может не ощущать своей связи с другими людьми, и поэтому главным законом гражданского согласия является признание чужих интересов как гарантии для реализации своих, а моральным основанием — известное правило: «Не делай другим то, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе». Как не вспомнить Ш. Монтескье, который подчеркивал, что демократию приводит в движение добродетель (6, с. 167).

Таким образом, государственное устройство должно быть при-

способлено для выявляния различных социальных интересов, законных форм их конкуренции, достижение гражданского согласия и реализации принятых решений с опорой на широкий социальный контекст. Государственность выступает с точки зрения общезначимого предназначения — гарантирования основных прав и свобод человека, обеспечение стабильности и развития общества посредством консолидации и интеграции различных социальных интересов.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Теория права.— М., 1994.—223 с. 2. Аристотель. Политика: Соч. в 4-х т.— т. I.— М.: Мысль.—1983. 3. Бердяев Н. Русская идея //Вопр. философии.— 1990.—№ 1—2. 4. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права.— М.: Госюриздат.—1947. 5. Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд.—Т. I. 6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Изб. произв.— М.: Госполитиздат.— 1955. 7. Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности.— М., 1994. 8. Політологічні читання.— Київ,— 1992.— № 1. 9. Рабинович П. М. Основи загальної теорії права та держави.— Київ, 1994. 10. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор.— М., 1906. 11. Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию.— М., 1993. 12. Теория юридического процесса /Под ред. проф. В. М. Горшенева.— К.: Вища школа.—1986.

И. Б. Шахов, канд. юрид. наук

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Провозглашение в августе 1991 г. Украины как независимого суверенного государства открыло реальные перспективы для преодоления деструктивного тоталитарно-административного режима и радикальных изменениях общественных отношениях. В Украине покончено с однопартийной системой и идеологическим монополизмом, подорваны административно-командные рычаги руководства в экономике. Утвержден политический суверенитет Украины как самостоятельного, признанного мировым сообществом государства. В стране повысился уровень политических свобод. Приобретают всестороннее развитие демократические институты, все больше реализуются права и свободы граждан, началось экономическое раскрепощение личности (1).

Процессы формирования демократического правового социального государства Украины, налаживания цивилизованных основ гражданского общества, строительства современного механизма государственной власти, создание прочной законодательной основы требуют по-новому рассмотреть преемственность глобальных мировых политико-правовых доктрин и институтов в отечественной практике. Порожденная классическим юридическим мировоззрением теория правового государства является выверенной веками непреходящей общечеловеческой ценностью, равно как политическая свобода личности с ее естественными и неотчуждае-